

ЧТО МЕРЯЮТ ПУДАМИ В РУССКОМ ЭПОСЕ

И.С. Климас

Доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры русского языка
e-mail: iklimas@mail.ru

С.П. Праведников

Доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой русского языка
e-mail: sprav618@mail.ru

Курский государственный университет

В статье на примере произведений русского героического эпоса трех регионов – Онеги, Печоры, Кулоя – рассматриваются особенности использования лексических единиц, которые сочетаются со словом пуд, обозначающим один из основных элементов русской метрической системы. Сопоставительный анализ выявил определенные отличия в инвентарном наборе используемых существительных и числительных, специфику синтагматических связей, что может быть объяснено с позиций территориальной дифференциации языка русского фольклора.

Ключевые слова: язык русского фольклора, былина, фольклорная диалектология, мера веса, пуд.

По данным Большого академического словаря русского языка, пуд – ‘русская мера веса, равная 40 фунтам, в метрической системе – около 16,4 кг’ [БАСРЯ: 21: 488]. Определения, дающиеся в современных лексикографических изданиях, практически везде одинаковы; некоторое разнообразие вносит объяснительный словарь старинных русских мер, который дает пояснение: «Пуд сейчас является самой известной и употребительной мерой из всех старинных мер» [Романова 2017: 211].

Существительное *пуд* в текстах русских былин употребляется довольно часто, занимая высокое место в рейтинговых списках. Увидеть это мы можем, сравнив данные, полученные при анализе авторитетных сборников русского героического эпоса, среди которых записи, сделанные на острове Кижы Онежского озера; в Повенце, Пудогe, на Кенозере, реке Онеге (былины, собранные П.Н. Рыбниковым [Рыбников 1989–1990]), на берегах Печоры (сборник Н.Е. Ончукова [Ончуков 1904]), в кулойских селениях Архангельской губернии [Григорьев 1939]). Эти сведения могут быть объединены в таблицу (см. табл. 1); учитываются все слова, в состав которых входит корень *пуд*; в качестве источника использовались алфавитные словники, составленные к указанным выше сборникам [Праведников 2002; 2006; 2021].

Следует учитывать, что современная сопоставительная лингвистика [Бобунова, Завалишина, Хроленко 2004] имеет в своем арсенале значительный надежный набор лингвокультурологических методик, позволяющих выявлять специфику языковых средств различного характера, в том числе и на уровне территориальной дифференциации [Бобунова, Климас, Праведников, Хроленко 2003].

Таблица 1

	Киж	Повенец, Пудога, Кенозеро, Онега	Печора	Кулой
Пуд	27	58	23	28
Пудовый	3	–	1	–
Сорокапудовый	–	4	–	1
Сорокпудный	–	–	–	7
Стопудовый	1	2	–	–

Имя существительное *пуд* очень активно сочетается с именами числительными. О дистрибутивных возможностях числительных в фольклорном тексте было написано достаточно подробно (см.: [Праведников 1994]).

Сейчас интересно другое: в каких ситуациях используются количественно-именные сочетания, в состав которых входит лексема *пуд*. Другими словами, что измеряют в пудах фольклорные персонажи.

Для начала представим перечень тех числительных, в узком контексте с которыми отмечено интересующее нас слово. В онежских былинах это:

девяносто – 25	десять – 1
сорок – 25	пятьсот – 1
полтора – 18	сто девяносто – 1
двенадцать – 4	тридцать – 1
семь – 3	триста – 1
три – 3	тысяча – 1
двадцать – 1	

Инвентарный список числительных, использованных в печорских текстах, скромнее, он представлен девятью единицами:

девяносто – 7	сорок – 2
пятьдесят – 4	двенадцать – 1
десять – 3	полтора – 1
двадцать пять – 2	шестьдесят – 1
пять – 2	

В кулойских записях употребляются следующие слова с квантитативной семантикой:

сорок – 26

сто – 1

тридцать – 1

Как правило, *пуд* используется там, где хотят подчеркнуть силу героя, мощь его богатырского вооружения, тяжесть мук, выпавших на долю главному действующему лицу, т.е. те часто отмечаемые типические места, где используется прием гиперболизации.

Итак, чаще всего слово *пуд* употребляется для характеристики оружия, и наиболее охотно используемым оружием является палица (или паличка – ‘тяжелая дубинка, палица’ [СРНГ: 25: 172], или палочка *буёвая*; *буёвый* – ‘боевой’ [СРНГ: 3: 250]). По наблюдениям М.А. Бобуновой в «Онежских былинах» А.Ф. Гильфердинга слово *палица* занимает ведущую позицию в тематической группе, называющей оружие. Оно является самым частотным, количество его словоупотреблений равняется 152 [Бобунова 2005: 13]. И *паличка*, и *палочка* в словаре снабжены пометой *фольк.* (как впрочем и *буёвый*); об особой роли фольклоризмов в структуре былинного текста см.: [Климас 2005].

Показательна сцена описания поездки и одновременной похвальбы иноземного богатыря – противника Ильи Муромца:

*«Ездит паленица по чисту полю,
Ездит паленица в поле, тешится,
Шутит она шуточку немалую –
Кидает она **палицу** булатную
Под эвтую под облаку ходячую,
Подъезжает-то она на добром коне,
Подхватит эту **паличку** одной рукой,
То как лебединым перышком поигрывает;
И не велика эта **палица** булатная,
Весом-то она до **девяности пуд**»*
(Рыбников, 1, 5, 101–110)

В онежской традиции возможно использование прилагательного вместо сочетания «числительное + существительное».

*«Во ту ли пору, во то время
Ездило Идолице под облакой,
Шибало свою **палицу стопудовую**,
На коне гоняло и само подхватывало»*
(Рыбников, 1, 25, 10–13)

Интересно и употребление нескольких эпитетов при характеристике боевого оружия:

*«Ай же ты, Чурилушка Пленкович! <...>
Возьми ты в руки **палицу пудовую**,
Пудовую палицу, рублевую»*

(Рыбников, 1, 85, 21–24)

В описании печорских исполнителей богатыри имеют не менее внушительное вооружение:

«Кабы тот-же Микита сын Романович <...>

Он имел в себе силу да богатырьскую,

*Он имел у ся **палицу** тежолую,*

*Он тежолую **палицу**, не леккую,*

*Он не леккую **палицу-девеносто пуд**»*

(Ончуков, 63, 5–14)

Кулойские сказители, описывая те же самые эпизоды, в подавляющем большинстве случаев отдавали предпочтение сочетанию *сорок пудов*.

«Да и нагнал тут Добрынюшка-ли да богатыря.

*Да ударыл он **палоцькой** да боёвой*

*(Не велика веть **палоцька** – **сорока пудоф!**) –*

Да и тут-то богатырь не шатнулса фсё»

(Григорьев, 280, 11–14)

Вес палицы различен: в онежской традиции для его обозначения повсеместно используются большие числа – сорок, девяносто, сто, триста пудов. Окказионально употребление составного числительного *сто девяносто*, которое отмечено один раз в былине «О трех поездках Ильи Муромца», исполненной А.П. Сорокиным (Пудога).

*«Как выдерживал он **палицу** железную*

*Во **сто девяносто пуд**,*

Как начал разбойничков пощалкивать –

Прибил он разбойничков сорок тысячей»

(Рыбников, 2, 129, 35–38)

Столь же традиционно представление о величине и мощи богатырского оружия и в записях архангельских былин. Так, кулойская палица весит обычно сорок пудов (единично употребление сочетания *палица в тридцать пудов*). Печорские исполнители мало обращают внимания на вес оружия – для характеристики палицы дважды привлекалось словосочетание *девяносто пуд*. Этот же количественный параметр был применен и при описании другого вида оружия – речь идет о шалыге. В.И. Даль дает толкование этому слову: шалыга (шелыга) – ‘посох с загнутым к руке концом’ или ‘плеть, кнут’ [Даль 4: 1394]. Исследователи былинных записей, сделанных в Сибири, отмечают лишь одно значение этого существительного: шелыга – ‘плеть или кнут’ [Русская эпическая поэзия 1991: 481]. Контекст подсказывает нам, что речь все же идет о посохе.

*«Во руках несет **шолыгу** подорожную,*

*По весу была **шолыга девеносто пуд**,*

*Да той-же **шолыгой** подпирайтца»*

(Ончуков, 85, 133–135)

В пользу этого свидетельствуют и фрагменты других былин (преимущественно онежских), где в аналогичных типических местах фигурирует *клюка* (*клюха, клюшка, клюшечка, клюка-посох*). 'Клюка и клюха – дорожная палка, посох' [СРНГ: 13: 319].

*«На тую пору, на то времечко,
Идет ему встречу каличище Иванище,
Несет в руках **клюху девяноста пуд**»*
(Рыбников, 1, 6, 33–35)

*«Ай же ты, старчище Пилигримище!
Дай-ко ты мне своих платьев старческих,
Дай-ко мне **клюху сорока пудов**;
Добром буде не дашь – силом возьму»*
(Рыбников, 1, 25, 4–7)

*«Идет-ступает старый Данила Игнатъевич:
Платья у него черна бархату,
Шляпа у него земли Греческой
И **клюка** у него **сорока пудов**,
Той клюкой идет-подпирается»*
(Рыбников, 2, 105, 304–308)

Это оружие, как правило, находится в руках странника, калики, старчища Пиригримища или просто человека преклонного возраста, играющего важную роль в композиционном построении былины (ср.: [Бобунова, Климас 2019]).

Среди оружия, имеющего многопудовый вес, онежскими сказителями упоминаются меч, сабля, печорскими – сабля, копейцо, кулойскими – сабелька. Определенный интерес вызывает описание предметов, изначально для боевых действий не предназначенных, могущих выступить в качестве альтернативного оружия. Наиболее последовательно это происходит в былинах онежских певцов.

У одного героя оружием является дубина (накануне вырванное дерево). Им вооружен Сухмантий-богатырь, герой старины, записанной от оставшегося неизвестным шальского лодочника.

*«И привез я **дубиночку** Сухмантьеву,
На лозиночки **дубиночка** облочкана.
Потянула **дубина девяноста пуд**»*
(Рыбников, 2, 149, 166–168)

У другого – это червленый вяз; именно таким оружием снабжает своего героя Василия Буслаевича кижский сказитель Т. Иевлев.

*«Тут был у Васильюшка добрый конь:
Упустила его родна матушка во чисто поле;*

*Были у него червленый вяз в сорок пуд,
 Были у него сабля и тесак темлячные:
 То все его матушка спрятала...»*
 (Рыбников, 1, 73, 48–52)

В третьем эпизоде мы видим в руках героя тележную ось, она также может выступать в роли грозного орудия.

*«У того у погреба глубокого
 Лежала ось тележная железная,
 Долиною в две сажени печатных,
 А на вес ось та сорока пуд;
 Хватает он тую ось железную
 На свое плечо богатырское»*
 (Рыбников, 2, 151, 111–116)

Всеми перечисленными видами вооружения владеет былинный герой, но и против богатыря применяется мощное оружие. Чаще всего мы сталкиваемся с ним в эпизодах, где против Ильи Муромца действует «молода жена» или дочь Соловья-разбойника (Настасья Соловьевична, Марья Соловьиновна, Олена, Пелька-паленица удалая и др.).

*«Скочила на широкий двор,
 Хватила подворотенку во сорок пуд
 И кинула в Илью, Илью Муромца»*
 (Рыбников, 1, 62, 76–83)

*«А эта Марья Соловеевна
 Ухватила подворотню булатную стопудовую,
 Клеснула Ильюшку меж уши в голову»*
 (Рыбников, 2, 140, 178–180)

Подворотня, подворотенка – ‘доска, бревно, которым закрывают щель под воротами’ [СРНГ: 27: 368].

Итак, обобщим в таблице 2 сведения о тех объектах, вес которых в былине измеряется в пудах.

Таблица 2

Онежские былины 85	Печорские былины 23	Кулойские былины 28
клюка (клюха, клюшка, клюшечка) 12 чара 8 шалыга 7 колокол 6 палица (паличка) 6 подворотня (подворотенка) 6 питье 5 чаша 5 колпак (колпачок) 4 крест 3	железа (=кандалы) 5 палица 3 плита 2 колокол 2 сабля 1 копейцо 1 крест 1 тоща 1 латы 1 нагрудник 1 кольчуга 1	палочка буевая 8 замочки 8 шляпа (шляпочка) 3 задвижка 3 палица 2 сабелька 2 тележка 1 заслоночки 1

сабля 3 хлеб 3 кандалы 2 латы-кольчуга 2 мех 2 вино 1 вяз 1 дубина 1 кафтан 1 клюха-посох 1 меч 1 ось 1 подорожня (?) 1 шелом 1 шляпа 1 язык (колокола) 1	колпак 1 припой (у ножа) 1 шольга 1 язык (колокола) 1	
--	--	--

Большой вес, выраженный в пудах, свойствен не только оружию, но и одежде былинных персонажей. Не только латы, кольчуга (или латы-кольчуга), шелом, нагрудник, т.е. элементы снаряжения военного человека, но и обычная, «гражданская» одежда – кафтан, шляпа, колпак – много весят и выглядят весьма внушительно.

*«Одевает старчице **кафтан в сорок пуд,**
Колпак на голову полагает **в двадцать пуд**
Клюку в руки берет в десять пуд
И пошел ко мостику ко Волховскому»*
(Рыбников, 2, 151, 184–187)

Причем почти вся эта одежда обладает интересным свойством: в любую минуту она может превратиться в грозное оружие.

*«А снимал с головы **шляпу сорокопудовую,**
А хотел он веть шлёпнуть да фсё-ли да Михайлушка»*
(Григорьев, 293, 269–270)

*«Тут стар добрый молодец
Выдергивал с головушки свой **шелков колпак,**
А тот **колпачек** был **в сорок пуд,**
Стал он колпачком помахивать»*
(Рыбников, 2, 154, 40–43)

Фольклористы неоднократно отмечали особую роль некоторых элементов былинной одежды, например, шапки земли греческой или колокола в роли головного убора [Пропп 1958: 193–195; 460–462].

И шляпа, и колпак встречаются в анализируемых текстах, при этом обнаруживается прямая связь с «землей греческой».

*«Только что лежит на земле пухов **колпак,**
Насыпан **колпак земли Греческой,***

По весу колпак цело три пуда»

(Рыбников, 1, 26, 71–73)

Большим весом обладает и колокол – своеобразный головной убор старчища (старика, крестного батюшки Василия Буслаева), и колокольный язык, используемый им как дорожный посох.

*«На стрету старик идет Антоний-от,
На главы несет колокол девенсто пуд,
Езык в колоколе петьдисят пудов»*

(Ончуков, 88, 140–142)

«Идет крестовый батюшка, старичище Пилигримище:

*На буйной головы колокол пудов во тысячу,
Во правой руке язык во пятьсот пудов»*

(Рыбников, 2, 169, 289–291)

Любое богатырское снаряжение должно иметь большой вес по определению, равно как и любые другие предметы, попадающие в поле зрения былинного героя.

*«Кабы скоро побежал да доброй молодеч,
Он схватил эту тощю да за один конеч,
Потащил эту тощю да на правом плечи,
Кабы бросил-де он тощю на легкой струг;
На тощю ведь подпись есь подписана,
Але подрезь есь подрезана,
Але каким она кузнечем да, право, роблена,
Але сколько весу – она описана,
А описана она да шездисят пудов»*

(Ончуков, 51, 73–80)

Тоща, по объяснению составителей академического свода русского фольклора, – ‘ноша, груз; синоним к слову «палица»’ [Былины Печоры: 2: 626].

«Был-то он во городе во Киеве:

*Вывез он соли два меха,
А во который мех всходит
Пудов по сороку»*

(Рыбников, 1, 70, 4–7)

Мех, который используется для измерения количества соли, купленной былинным Микулой Селяниновичем, вмещает сорок пудов. Речь не идет о точной мере соли, мех – это только тара. По утверждению некоторых исследователей, на Русском Севере достаточно долгое время учет соли при продаже велся и в мехах, и в пудах. «Сопоставление цифр ... позволяет определить вес меха соли в 28–29 пудов» [Каменцева, Устюгов 1975: 130].

Предметы, обладающие большим весом, могут выступать не только в роли «наступательного» оружия, они эффективно используются и как защита от нападения. Там, где не помогают латы, спасает чудотворный оберег – православный крест на груди Ильи Муромца.

*«И садился Сокольник на белы груди,
Вынимал ножище-кинжалище,
И ударил его в белы груди:
Не сдержали латы кольчужные,
Не сдержало цветно платье,
Сдержал чуден крест,
Весом крест во три пуда, –
От креста ножище погибается»*
(Рыбников, 2, 199, 182–189)

В онежских былинах обращает на себя внимание группа лексики, имеющая отношение к еде и – особенно – к питью. Это существительные *хлеб, вино, питье, чара, чаша*. Семь пудов хлеба – порция, за один раз съедаемая поганой Издолиной, иноземным богатырем-захватчиком. Эта мера противопоставлена скромным трем калачикам, которыми обычно насыщается русский богатырь. Не в обжорстве видится преимущество, а в чем-то другом, что гораздо выше ценится русским человеком: в наборе богатырских качеств находится место воздержанию, умеренности, пониманию важности духовного начала, его приоритетности по отношению к проявлению физической мощи. Правда, мы можем наблюдать и отступление от этого идеала, и связано это прежде всего с употреблением хмельных напитков. Полтора ведра питья в полтора пуда весом – фольклорная формула, часто используемая для того, чтобы подчеркнуть удаль богатыря.

*«И сливали питье во едино судно:
Становилось **питья полтора ведра,**
Весом его полтора пуда.
Взимает Васильюшка единой рукой,
Выпивает Василий на единый дух»*
(Рыбников, 2, 208, 87–91)

Богатырская сила не знает ограничений, а если они и появляются, то, как правило, временно и, конечно же, характеризуются большими числами. Эпизоды заключения богатыря в темницу присутствуют во всех трех рассматриваемых нами регионах, но наиболее значимой эта тема предстает в кулойских записях. Онежские и печорские исполнители ограничиваются упоминанием кандалов (железа) и плиты, наваленной на погреб. Кулойские сказители при описании процедуры заключения богатыря в неволю используют многопудовые замочки, задвижки, заслоночки и даже – единично – тележку как средство насильного удержания героя в плену.

«Увезли они Михайла во свою землю,
Привезали к телёженьки к жалезную
(Не велика телешка – да сорока пудоф!)»
(Григорьев, 2, 258, 31–33)

Итак, сопоставительный анализ сравнительно небольшой группы лексики позволяет увидеть отличия парадигматического и синтагматического характера, что, безусловно, может рассматриваться как еще одно доказательство существования фольклорных диалектов.

Библиографический список

БАСРЯ – Большой академический словарь русского языка. Т. 21. М., СПб.: Наука, 2012. 630 с.

Бобунова М.А. Наименования оружия в словаре языка онежских былин // Лингвофольклористика. 2005. № 9. С. 9–18.

Бобунова М.А., Завалишина К.Г., Хроленко А.Т. Сопоставительная и кросскультурная лингвофольклористика // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки». 2004. № 2. С. 47–52.

Бобунова М.А., Климас И.С. Концепт *старый* в русском эпосе [Электронный ресурс] // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2019. № 2 (33). С. 17–28. URL: https://api-mag.kursksu.ru/api/v1/get_pdf/3240/ (дата обращения: 20.10.2021).

Бобунова М.А., Климас И.С., Праведников С.П., Хроленко А.Т. Комплекс методик лингвокультурологического анализа // Фундаментальные исследования в области гуманитарных наук: Конкурс грантов 2000 года: Сб. реф. избр. работ. Екатеринбург, 2003. С. 130–132.

Былины Печоры: в 2-х т. [Электронный ресурс] / Отв. ред. А.А. Горелов. Т.2. 2001. 784 с. URL: <http://feb-web.ru/feb/byliny/texts/bl2/bl2-5832.htm> (дата обращения: 25.11.2021).

Григорьев – Архангельские былины и исторические песни, собранные А.Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа. Т. II. Прага: Чешская Академия Наук, 1939. 559 с.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. М.: А/О Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1994. Т. 1–4.

Каменцева Е.И., Устюгов Н.В. Русская метрология. М.: Высшая школа, 1975. 328 с.

Климас И.С. Фольклоризмы в былинном и песенном словниках // Лингвофольклористика. 2005. № 9. С. 3–8.

Ончуков – Печорские былины. Записал Н. Ончуков. СПб.: Типо-Литография Н. Соколова и В. Пастор, 1904. 424 с.

Праведников С.П. Былины Печоры: словник и частотный словарь. Курск: Изд-во Курск. гос. пед. ун-та, 2002. 72 с.

Праведников С.П. Кулойские былины А.Д. Григорьева в научной лаборатории лексикографа // Лингвофольклористика. 2021. № 34. С. 28–74.

Праведников С.П. Песни, собранные П.Н. Рыбниковым: словник. Курск: Курск. гос. ун-т, 2006. 70 с.

Праведников С.П. Семантико-функциональная характеристика имени числительного в фольклорном тексте (на материале различных фольклорных жанров): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Орел: ОГПИ, 1994. 17 с.

Пропп В.Я. Русский героический эпос. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1958. 603 с. URL: <http://feb-web.ru/feb/byliny/critics/rge/rge-001-.htm> (дата обращения: 25.11.2021).

Романова Г.Я. Объяснительный словарь старинных русских мер. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2017. 304 с.

Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока = Russian epic poetry of Siberia and the Far East. Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1991. 497 с.

Рыбников – Песни, собранные П.Н. Рыбниковым: в 3-х т. / Под ред. Б.Н. Путилова. Петрозаводск: Карелия. Т. I. 1989. 528 с.; Т. II. 1990. 640 с.

СРНГ – Словарь русских народных говоров. М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–2021. Вып. 1–52.